

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

№ 4 • 1992 • ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-летию со дня рождения П. Я. Гальперина (1902—1988)

Гальперин П. Я. Ответы на вопросы корреспондента журнала «Estudios de psicología»	
Подольский А. И. Об общетеоретических и методологических взглядах П. Я. Гальперина	10
Талызина Н. Ф. Пути использования теории планомерного формирования умственных действий в практике образования	18
Решетова З. А. Формирование теоретического мышления учащихся в процессе обучения	26
Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Школа П. Я. Гальперина и проблема рефлексивности творческого мышления	34
Обухова Л. Ф., Чурбанова С. М. Условия возникновения множества идей при решении дивергентных задач дошкольниками	45
Ильясов И. И., Андрианов Ю. А. О диагностике зоны ближайшего развития логических операций на основе гальперинских этапов формирования действий	53
Огнев А. С., Фролов Ю. И. Возможности применения метода планомерно-позапного формирования для обучения аутогенной тренировке	60
→ Долгий путь за Синей Птицей (из воспоминаний о П. Я. Гальперине)	66
Указатель статей, опубликованных в «Вестнике Московского университета. Серия 14, Психология» в 1992 году	71

НАШИ АВТОРЫ

Подольский Андрей Ильич — докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой возрастной психологии ф-та психологии МГУ.

Талызина Нина Федоровна — докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой педагогической психологии и педагогики ф-та психологии МГУ.

Решетова Зоя Алексеевна — докт. психол. наук, профессор Учебного центра при кафедре педагогической психологии и педагогики ф-та психологии МГУ.

Семенов Игорь Никитович — канд. психол. наук, профессор, ст. науч. сотр. Психологического института РАО, член Общероссийской академии человековедения.

Степанов Сергей Юрьевич — канд. психол. наук, профессор, вед. науч. сотр. НИИ семьи и детства РАО, директор Института рефлексивной психологии и педагогики творчества.

Обухова Людмила Филипповна — канд. психол. наук, доцент кафедры возрастной психологии ф-та психологии МГУ.

Чурбанова Светлана Михайловна — аспирантка ф-та психологии МГУ.

Ильясов Ислам Имранович — докт. психол. наук, профессор кафедры педагогической психологии и педагогики ф-та психологии МГУ.

Андрианов Юрий Александрович — ассистент кафедры психологии Одесского университета.

Огнев Александр Сергеевич — канд. физ.-мат. наук, доцент Воронежского политехнического института.

Фролов Юрий Иванович — канд. психол. наук, ассистент кафедры возрастной психологии ф-та психологии МГУ.

Слободская Полина Яковлевна — музыкант, пенсионер (Москва).

Фаерман Григорий Павлович — докт. технич. наук, пенсионер (Москва).

Гальперина Софья Петровна — биолог, пенсионер (Санкт-Петербург).

→ **Хаанен Жак** — профессор Утрехтского ун-та (Нидерланды).

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Я. ГАЛЬПЕРИНА
(1902—1988)

П. Я. Гальперин

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА ЖУРНАЛА
«ESTUDIOS DE PSICOLOGIA»*

Странное дело, эти вопросы не были для меня новыми и тем не менее мне пришлось не раз подумать над ними. И это значит, что мои ответы выражают только мое мнение, причем я не уверен даже в том, не захочу ли я через некоторое время поправить их, дополнить или несколько изменить. Но вот что я могу ответить на эти вопросы сейчас.

Вопрос 1. 1. Каковы основные положения советской психологии?

Я бы несколько изменил этот вопрос и ответил на него так: основу советской психологии составляют:

- в философии — диалектический материализм;
- в естествознании — теории развития, в частности теория Дарвина;
- в учении о человеке — исторический материализм;
- в проблеме «мозг и психика» — учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, учение о доминанте и «функциональных органах» А. А. Ухтомского, о «функциональных системах» П. К. Анохина, о «построении движений» Н. А. Бернштейна;
- в психологии — положение К. Маркса: «идеальное есть не что иное,

* Данный текст написан П. Я. Гальпериным примерно в 1983—84 гг. по просьбе аргентинского журналиста, работавшего над книгой о советских психологах. Сведениями о публикации этого текста в нашей стране и за рубежом редакция не располагает.

пошел со мной во вновь открывшийся в центре Харькова нарядный магазин купить конфет к семейному ужину. Вошли в магазин радостные, купили конфет, а выходим — стоит у выхода оборванный, грязный парнишка моих лет и просит подаюния. Отец вспыхнул, отдал ему кулек конфет, дал рубль на хлеб, вернулся снова, купил конфет для нас и уже с другим, тяжелым настроением, мы пошли домой.

Отец говорил мне тогда взволнованно, что это плохо, очень плохо, что магазины ярко освещены и полны всего, а рядом голодные, беспризорные дети. Некоторые кричат, что надо позвать милицию, что они милостыню просят и набирают в день больше, чем зарабатывает врач или рабочий за месяц. Нет. Надо сделать так, чтобы дети были сыты и могли учиться, а уж ежели этого мы не можем, то надо подавать милостыню и делать это деликатно. Может быть, говорил он, родителям их плохо, и дети просят подаюние, чтобы им помочь.

Помню родителей молодыми, красивыми и веселыми, очень любящими друг друга. Ведь в 1931 году, когда мама стала ассистентом мединститута, ей было всего 29 лет, а мне 4 года. И с этого времени я все помню четко. Поступление мамы на работу в институт было не только осуществлением ее давнишней мечты о сочетании научной, преподавательской и лечебной работы в клинике, но счастливым событием для всей нашей не такой уже малой семьи (с нами вместе жили бабушка со стороны мамы и еще одна родственница). Пожалуй, эта семья и сложилась благодаря поступлению мамы на работу в институт. До этого она была практическим врачом на отдаленных участках, ездила на эпидемии. В свои 29 лет она уже имела 9 лет врачебного стажа, а общего трудового — 12 (еще в юности начала зарабатывать себе на жизнь).

Отец хотел, но не мог улучшить материальное положение семьи. Он не мог трудиться, как говорится, ради хлеба насущного, а только по призванию. Работал в это время в психиатрической больнице на окраине Харькова, платили ничтожно мало, от дома далеко, ездить тяжело (трамваи ходили плохо), служба тяжелая (буйные могли покалечить, были такие случаи), но ему было интересно, у него сложился в это время круг друзей, единомышленников. Увлеченный работой, он приходил домой только вечером, но это был праздник: он мог прочитать книжку, рассказать сказку, поговорить по душам. Его всегда обожали и чужие дети: всех он учил рисовать, лепить, читать стихи. Мог научить и многому другому, но все это случалось нечасто.

Отец мой с детства много думал о боге, об устройстве мира, о деятельности ума и о том, что называется душой человека. Библию и евангелие хорошо знал и перечитывал много раз. Подростком он решил, что постарается служить человечеству, придумает что-либо, чтоб облегчить страдания людей, а чтобы сделать это возможно лучше, нужно стремиться быть совершенным самому. Такие мечты в этом возрасте свойственны, конечно, многим. Военная карьера и подвиги его не прельщали. В соответствии с желанием деда он думал скорее о медицине, но все больше и больше его увлекало чудо человеческого мозга, мыслительной деятельности. Подростком отец много читал и был склонен к самоанализу. Может быть это и спасло его.

Дело в том, что учась в гимназии, он заболел туберкулезом. Это обнаружилось не сразу. То, что уже в младших классах он много болел, никого не удивляло и не тревожило, и то, что он как бы перестал расти и слабел — тоже. Но болезни мешали учиться, а отец был очень увлечен и гордился тем, что сумел сдать вступительные экзамены в гимназию, хотя никто ему не помогал готовиться. Он очень любил подвижные игры: волейбол, футбол, городки, мечтал о лыжах, коньках, на худой конец, санках, но непрерывные простуды лишали его даже прогулок.

Выход отец нашел в гимнастике и закалке. Он упорно делал столько упражнений, сколько мог, много раз в день, по-немногу. По утрам обязательно обливался холодной водой. Он рассказывал мне об этом, потому что хотел побудить меня поступать так же, внушить мне, что хотя никто не знает, что его ждет в будущем, но каждый может стать таким, каким он хочет стать. Несомненно, что физические упражнения укрепили его здоровье, болезнь длилась долго, разгар ее пришлось на годы войны и разрухи, но она отступила.

Отцу я обязана тем, что легко занималась и в школе, и в вузе. Он не учил меня конкретно ни читать, ни писать, ни считать, учил только отношению к знаниям. Ему все было интересно, он всегда очень много читал и мне советовал читать побольше и обо всем на свете.

→ **Хаанен Жак.** Моя первая встреча с П. Я. Гальпериним состоялась в 1973 г. Я тогда приехал в МГУ изучать психологию как иностранный студент в рамках культурного обмена между бывшим СССР и Нидерландами, и мне повезло присутствовать на его лекциях.

Как преподаватель и, позднее, профессор ф-та психологии МГУ, Гальперин вдохновил и научил целую плеяду ныне ведущих русских и восточноевропейских психологов. В одном из своих публичных выступлений В. П. Зинченко назвал себя и своих сокурсников «поколением Леонтьева, Лурии и Гальперина» и подчеркнул, что именно Гальперин на своих лекциях и семинарах передавал, объяснял и обсуждал с ними психологические принципы культурно-исторической школы и различные разра-

ботки ее ведущих приверженцев. Как известно, Петр Яковлевич принадлежал к поколению психологов, имевших личные контакты с Выготским и его последователями, а также активно участвовал в создании и развитии деятельностного подхода, поэтому он мог «изнутри» интерпретировать это психологическое направление. Он обладал даром преподавать не только авторитетно, но также с юмором и вдохновением. Благодаря его педагогическому мастерству, его лекции и семинары пользовались успехом и неизменно собирали большую аудиторию.

Педагогические качества Гальперина могут даже рассматриваться как фактор, повлиявший на широту распространения советской психологии, которая, безусловно, имела особенный цвет и вкус. Дж. Верч (1981, с. 219) заметил, что после знакомства с советской психологической литературой, американские ученые часто начинали задаваться вопросами не столько по поводу того, что было сделано, сколько почему это было сделано. Судя по моему собственному опыту, то же самое можно сказать в отношении иностранных и советских студентов и аспирантов-психологов МГУ.

Гальперинские лекции и семинары были особенно интересны, ибо Петра Яковлевича все знали как глубокого знатока исторических первоисточников (он составил вместе с А. Н. Ждан две хрестоматии по истории западной психологии, 1980 и 1986), свободно оперирующего наследием предшественников. (...)

Гальперин считал (Galperin, 1992), что концепция деятельности имеет фундаментальное значение только если сопровождается радикальным пересмотром вопросов, относящихся к предмету психологии. Поиск предмета этой науки психологами-практиками он сравнивал с поиском Синей Птицы — символа счастья, влекущего к себе людей, избавляющего от страданий (напр., Гальперин, 1977, с. 14). Сначала этим предметом признавалась «душа», затем «состояния сознания», позже — «поведение», но ... увы! Ни то, ни другое, ни третье не отвечало желаемым требованиям.

Гальперин поставил перед собой задачу попытаться решить эту проблему и дать психологии новую и объективную стартовую позицию. Впервые в 1952 г. на психологической конференции в Москве (Гальперин, 1953) он выдвинул гипотезу о новом направлении. Так началась история теории «позапного формирования, умственных действий и понятий», в основе которой лежало понятие «ориентировочной деятельности» как истинного предмета психологии. Гальперин видел свою теорию в качестве «столбовой дороги», ведущей к исследованию источников и содержания психических процессов. Делая ретроспективный обзор своей теории в 1986 г., он заключил: «Мы сделали почин, заложив твердый фундамент для психологии. И хотя здесь еще многое предстоит сделать, я думаю, что психология приобрела твердую почву под ногами» (Цит. по: Наанен, 1989, р. 23).

Необходимо отметить, что гальперинское направление в советской психологии воспринято и развито многими советскими психологами, но, с другой стороны, многие оно отвергается как ограниченное и даже ошибочное. Теоретические и практические положения, вытекающие из гальперинской теории, подвергались интенсивной критике как в Советском Союзе, так и за рубежом. Среди признающих значение этой теории — голландские психологи Ван Паререн и Карпэй (1980), подтвердившие ее убедительной демонстрацией того, как можно преобразовать культурно-исторический подход Выготского к человеческому развитию в технологию инструкций. Ван Паререн и Карпэй — оба внесли большой вклад в распространение гальперинской теории среди психологов и педагогов в Бельгии и Нидерландах.

Теория П. Я. Гальперина характеризуется согласованностью и глубиной, балансом между теоретической проницательностью и эмпирическим исследованием. Он всегда подчеркивал, что сделал только первый шаг в новом направлении, и что разработка его идей должна быть продолжена другими. Без сомнения, развитие гальперинских идей еще приведет к появлению новых плодотворных концепций и методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гальперин П. Я. Выступление на конференции психологов//Труды АПН РСФСР. 1953. № 45. С. 93—99. Гальперин П. Я. Управляемое формирование психических процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. Гальперин П. Я., Ждан А. Н. (Ред.) Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. Гальперин П. Я., Ждан А. Н. (Ред.) История зарубежной психологии. С 30-х по 60-е гг. Хрестоматия. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1986. Galperin P. Ia. Piotr Galperin and the content of Soviet Psychology. Special issue//J. Russian and East European Psychol. 1992. N 30. Naanen J. An interview with P. Ia. Galperin//Sov. Psychol. 1989. 27(2). P. 7—23. Parreren C. F. van, & Carpay J. A. M. Soviet Psychologists on education and cognitive development. Groningen: Wolters-Noordhoff, 1980. Wertsch J. V. Trends in Soviet cognitive psychology//Storia e critica della psicologia. 1981. 2(2). P. 219—296.